Утро, когда Изуку собрал чемоданы для своего первого дня в UA, казалось

сюрреалистичным.

Его мать плакала слезами радости, когда собирала его учебники и школьные принадлежности, и, как будто слезы были заразительными, он начал плакать бы вместе с ней.

Он чувствовал себя виноватым, зная, что разочарует ее в первый же день, после того, как они потратились на кацудон, чтобы отпраздновать.

Еще хуже было чувство страха, которое накапливалось в нем с тех пор, как он проснулся тем утром.

Его новое будущее было туманным, за исключением его неминуемого исключения из курса героя, возможно, побочным эффектом от того, что будущее перезагрузило его, но он знал, что в какой-то момент UA подвергнется нападению злодеев, и дальше этого злодейство возникнет на заднем плане его новой жизни.

В новостях ежедневно освещались злодейские нападения, люди избегали улиц из-за страха стать следующей жертвой, а герои растягивались, сражаясь в проигрышной битве за спасение общества, выворачивающего себя наизнанку.

Изуку надеялся, что это не займет много времени, чтобы вернуться к нормальной жизни.

Позволив прощаниям и слезливым объятиям затянуться так долго, как только мог, Изуку сел на последний возможный поезд до UA.

Опоздав, ему нужно было всего лишь проскользнуть мимо горстки учеников, прежде чем он добрался до класса 1-A.

Любой, кто видел его, был слишком занят тем, чтобы не опоздать на свои занятия, чтобы беспокоить его.

Время его прибытия не могло быть лучше.

Каччан и парень в очках, который вызвал его, бормоча себе под нос во время объяснения Сущего Мика, спорили о достоинствах своих средних школ.

Урарака направилась прямо к Изуку, представилась, обильно поблагодарила его за помощь во время экзамена и поздравила с сдачей, что привлекло внимание всего класса.

Некоторые студенты улыбались ему, некоторые изучали его бесстрастно, но у большинства

были кислые хмурые брови, которые обещали враждебность.

Каччан был уже на полпути к тому, чтобы встать со своего места, когда их классный руководитель прочистил горло.

Все в шоке смотрели на оборванного мужчину в желтом спальном мешке, когда он пробрался к трибуне учителя, встал и расстегнул молнию спального мешка, как мотылек, выходящий из куколки.

Даже имея преимущество в том, что он заранее знал лицо учителя и знал, что он должен быть профессиональным героем, поиск Изуку в его журналах героев и

онлайн-форумах ничего не дал о нем.

Это сузило его до андеграундных героев, которых оказалось трудно исследовать, учитывая их склонность избегать внимания.

«Восемь секунд. Вот сколько времени вы потратили впустую, прежде чем замолчать».

Их учитель вытащил из спального мешка мешок с униформой и бросил его на

стол.

«Наденьте спортивные костюмы и идите за мной на улицу».

Другие ученики таращились, когда Изуку переоделся прямо в классе, надел спортивный костюм и побежал на тренировочную площадку.

Его причуда давала ему возможность точно знать, где он найдет своего учителя.

Учитель взглянул на часы, когда Изуку подбежал к нему.

«Это новый рекорд».

«Герои должны быстро реагировать на чрезвычайные ситуации».

— ответил Изуку.

Он знал, что ответ вызовет едва заметную улыбку от его учителя, хотя это не

остановит неизбежный результат оценки причуды.

Каччан переоделся через несколько секунд после него, рубашка его спортивного костюма задом наперед, измотанная от попытки победить Изуку.

Рыжеволосый и парень с хвостом не сильно отставали, за ними следовала большая группа парней, один из которых нес невысокого парня с выпуклыми волосами под одной мускулистой рукой, легко удерживая его, несмотря на яростные попытки младшего мальчика вернуться в школу.

Через две минуты девушки вышли на улицу, большинство из них неодобрительно нахмурились.

«Одна минута и тридцать шесть секунд»,

— сказал их учитель.

«Это время прибытия первого студента.

Пять минут и тридцать пять секунд.

Вот сколько времени вам всем понадобилось, чтобы прибыть».

Одна из девушек шагнула вперед.

«Вы ожидаете, что мы переоденемся перед этим извращенцем?»

— спросила она, указывая на невысокого ученика.

Учитель сурово нахмурил брови, но сказал классу:

«Сорок восемь секунд. Это среднее время, необходимое грабителю, чтобы напасть на свою цель и сбежать.

В зависимости от их причуды и окружающей среды, у вас может не быть и половины этого времени».

Вперед шагнула девушка с торчащими из мочек ушей штекеры .

Она не могла встретиться глазами с учителем.

«Тем не менее, прося нас переодеться перед мальчиками...»

«Я не прошу вас заходить так далеко.

С этого момента я ожидаю, что вы все будете меняться в своих раздевалках».

Еще раз взглянув на мальчика с выпуклыми волосами, он добавил:

«Я не потерплю никаких форм сексуальных домогательств в моем классе, и если я получу жалобы, я исключу вас. Это ясно?

Его строгий тон заставил весь класс кивнуть.

Очки поднял руку высоко в воздух и спросил:

«Могу я говорить, сэр?»

Учитель вздохнул и сказал:

«Давай».

«Разве мы не должны быть на проверке наших причуд прямо сейчас?

Это то, что говорится в программе, которую мы делаем сегодня».

«Нелогичная трата времени. У меня есть три года, чтобы научить вас быть героями, и я не собираюсь тратить ни секунды на что-то столь легкомысленное, как вступление.

Делайте это в удобное для вас время».

— Понятно.

Тогда что мы здесь делаем?

— Я рад, что ты спросил Иида.

Учитель бросил Каччану бейсбольный мяч.

«Вы должны были делать фитнес-тесты в средней школе, верно?

На этот раз вы будете использовать свои причуды.

Как только вы знаете, с чего начать, вы знаете, что вы можете улучшить.

Так что давай, попробуй».

Взрывной бросок Каччана прошел 750 метров, к изумлению толпы.

Студенты были взволнованы.

Когда розо-вокожая девочка воскликнула о том, как это будет весело,

учитель нахмурился.

Изуку приготовился к тому, что должно было произойти.

«Выглядит забавно, да?

Вы думаете, что это просто игра?

Коварная ухмылка учителя охладила весь класс, включая Изуку.

«Как насчет этого?

Тот, кто займет последнее место во всех восьми тестах, будет исключен».

Сначала класс в шоке уставился на своего учителя.

Постепенно головы повернулись в сторону Изуку.

Несколько человек усмехнулись про себя, без сомнения,

представляя себе тот же результат, о котором Изуку уже знал.

«Выгнали в первый же день?»

— спросил парень с желтыми волосами.

— Разве это не слишком?

«Это UA. Учителям здесь предоставлена полная свобода действий, чтобы учить так, как они считают нужным.

На мой взгляд, лучше тебя изгнать, чем быть убитым каким- ни будь двухбитным злодеем».

Он указал на ближайшую трассу и сказал:

«Мы начнем со спринтов. Вперед».

Работа Изуку за лето окупилась, так как в каждом соревновании он устанавливал новый личный рекорд.

Несмотря на прогресс, месяцы подталкивания не могли конкурировать с годами строгой подготовки других учеников.

Он занял последнее место в спринте и завис в нижней пятерке для всего остального, в то время как у каждого был по крайней мере один тест, в котором они преуспели, от использования кислоты, чтобы скользить по 50-метровому рывку, до просьбы птицы нести бейсбольный мяч.

Даже ученики без полезных причуд, такие как девушка-невидимка, превзошли Изуку с чистой физической подготовкой.

К последнему событию, подбрасыванию мяча, всему классу стало очевидно, что Изуку не попадет в срез.

Очако и остальные с кислотой и закаляющимися причудами подбадривали его, когда он вошел в круг, но остальные вздохнули с облегчением.

Тем временем учитель наблюдал за ним, бесстрастный, без сомнения, уже решивший изгнать без причудного неудачника .

Изуку похоронил свой растущий гнев и стыд, решив не позволять себе плакать.

Он знал, что этого не сделает, даже когда предвидел это еще до того, как пришёл сюда.

Когда Изуку поднял руку, он понял, что не может четко видеть, как бросает мяч.

Все до этого момента было кристально чистым, все после броска туманным, как сон, наполовину забытый, когда он пошел за стаканом воды.

Стиснув зубы, Изуку отскочил назад и бросил мяч всем, что у него было.

Чёрный.

Хранилище будущих знаний потемнело, как будто кто-то выдернул шнур телевизора из розетки.

Изуку застыл в середине броска, мяч безвольно вылетел из

кончиков его пальцев и приземлился в жалких десяти метрах от него.

Лишенный знаний, которые предлагала его Причуда, он не мог быть уверен, но мог поклясться, что это должен был быть пятидесятиметровый бросок.

На этот раз в жизни он понятия не имел, что делать.

Начался ужас.

Он чувствовал, как мир уходит из-под его ног.

Его дыхание участилось.

Его сердце билось о грудную клетку, как у пойманного в ловушку животного.

Зрение и звук были приглушены до настоящего момента, грозившего ускользнуть, как и его будущее.

Изуку чувствовал на себе глаза.

Осуждать, задавать вопросы, издеваться, жалеть.

Он должен был что-то делать.

Скажи что-нибудь.

Он повернулся к своему учителю.

Его волосы и шарф развевались вокруг него, открывая светящиеся красные глаза и пару желтых очков.

Часы, проведенные на интернет-форумах, вернулись к нему, и в момент ясности он понял, что с ним произошло.

Изуку дико запнулся, сказав:

«Вы Сотри-голова».

Глаза мистера Айзавы расширились от удивления, но он не моргнул.

— Откуда ты знаешь это имя?

По мере того, как учитель становился подозрительным, Изуку почувствовал, как его мозг тает.

Изуку проклял тот факт, что из всего, что могло выйти из его рта в тот момент, он должен был выбрать худшее, что можно сказать.

Теперь Сотри-голова должен был знать, что у него есть Причуда.

Причуда, которую он скрыл из реестра причуд.

Незаконно незарегистрированная причуда, которую он использовал, чтобы обманом проникнуть в UA.

Изуку глубоко вздохнул и сжал руки.

Сотри-голова не мог вечно держать глаза открытыми, но пока он не моргнул,

Изуку пришлось спасать ситуацию.

Он заставил себя установить зрительный контакт с учителем, хотя заикание оставалось в его голосе, а мысли оставались в беспорядке.

«Извините, сэр, я пытался понять это сегодня на протяжении всего урока.

Я знал, что вы должно быть каким-то профессиональным героем, но я понятия не имел, кто вы такой.

Я полагал, что вы герой андеграунда, хотя я не знал наверняка, какой именно, потому что информации о героях андеграунда не так много, в этом и дело, и...

— Ты болтаешь,

— вмешался учитель.

«Не теряй времени».

Изуку почувствовал, что краснеет.

«Извините. Вредная привычка.

Во всяком случае, я понял это в середине броска, и я, гм, немного удивился».

Он почувствовал грубый скептицизм в выражении лица своего учителя, когда он поднял одну бровь.

«Вы только что поняли это? Прямо сейчас?

— Это очки,

— сказал Изуку, указывая на очки, висевшие на шее Сотри-головы.

«Они должны не дать злодеям узнать, куда вы смотрите в любой момент, чтобы они не знали, чью причуду вы стираете».

Изуку задавался вопросом, разумно ли упоминать Причуду мистера Айзавы, заставит ли это его выглядеть более подозрительно, если он упомянет, что это за Причуда, или надеется, что его учитель подумает, что он не понял, что у Сотри-головы есть причудливый взгляд.

Поскольку это то, чем герой наиболее известен, Изуку решил изучить его.

Учитель задержал его взгляд на то, что казалось вечностью.

Изуку почувствовал, что дрожит перед холодным, расчетливым выражением лица учителя.

— Понятно,

— сказал мистер Айзава.

Он закрыл глаза.

Изуку почувствовал, как будущее возвращается, как река, прорвавшая плотину, и чуть не заплакал от облегчения.

Мистер Айзава бросил ему еще один бейсбольный мяч.

Испугавшись, Изуку пошарил в улове.

«Поскольку я хотел бы получить точную базовую информацию о ваших физических возможностях,

— сказал Ластик,

— и я хотел бы думать, что вы можете бросить мяч более чем на десять метров, вы можете попробовать еще раз.

Не теряй больше времени».

Из толпы раздалось несколько хихиканий, когда Изуку закончил еще одну подачу.

На этот раз Изуку получил пятьдесят метров, которые он ранее предсказывал,

личный рекорд, но все еще в нижней части класса.

Пока класс собрался вокруг г-на Айзавы, ожидая результатов теста, Изуку приготовился к предстоящему исключению.

Его видение будущего устремилось вперед, вызывая у него головокружение, когда он пытался разобраться в информационной перегрузке.

Сотри-голова отобразил результаты, показав, что Изуку был последним,

как и ожидалось.

«Хорошо, давайте вернемся в класс».

Это были не те слова, которые помнил Изуку.

Подняв дрожащую руку, Изуку спросил:

«Извините, мистер Айзава, а как насчет меня?»

«Разве вы не слышали, что я только что сказал?

Возвращайтесь в класс».

Руки Каччана вспыхнули миниатюрными взрывами, когда он посмотрел на учителя.

— Что, вы не собираетесь изгонять никчемных креветок?

— Нет.

Я соврал о исключении».

Класс разразился шумом.

Изуку, со своей стороны, был слишком ошеломлен, чтобы сказать хоть слово.

Что случилось с результатом, который он видел до того, как его Причуда была стерта?

Теперь, когда он почувствовал себя спокойнее, он мог видеть, как формируется будущее, будущее, в котором он остался на пути героя, несмотря на свою неудачу.

Что изменилось? Как? Почему?

— Молчать, все вы.

Слова Сотри-головы с резали болтовню, как нож.

«Это была логичная уловка, чтобы полностью раскрыть свой потенциал.

Любой, кто не может действовать под давлением, не имеет того, что нужно, чтобы стать героем. А теперь поехали».

Изуку чувствовал, как ломается изнутри.

Когда его будущее выползло наружу, ему снова исполнилось пять лет, он катался по полу, пока десять лет издевательств и смерти от удушья разыгрывались, пока над ним крутилось видео с Всемогущим.

Два пальца на его левой руке щелкнули, и он почувствовал, как осколки костей

скрежещут друг о друга, когда он двигал рукой.

Изуку подавился криком.

Отчаянно пытаясь оторваться от толпы до того, как боль усилится, он вытащил свою причуду, показанную ему.

«Мне нужно сходить в туалет.

Можно?

Сотри- голова внимательно изучил его, с эмоциями на лице, которые Изуку не мог прочитать.

«Только быстро. Нам есть над чем работать».

— Да, сэр!

Изуку побежал в ближайший туалет, запер кабинку и рухнул на сиденье унитаза.

Рыдания вырвались из него, и слезы потекли по его лицу, когда будущее распространилось наружу.

Глухое эхо боли от перелома пальцев задержалось в его левой руке, а правая чесалась от ожога.

По мере того, как его будущее выползало наружу, усталость ослабляла его мышцы, делая его слишком слабым, чтобы двигаться.

Каждый день его нового будущего ослаблял его, пока он не почувствовал глубокое истощение, которое заставило его захотеть закрыть глаза.

Паника, которую он сдерживал всем, что у него было, бросилась в полную силу, чувство беспомощности и растерянности от того, что все его будущее вырвано из- под него, как скатерть.

Он не мог себе представить, как люди могут так жить, не зная, что повлечет за собой каждое их действие, как говорить, как действовать, куда идти, каждая мельчайшая деталь выложена для него в идеальном сценарии.

Гнев и страх настоящего боролись с истощением будущего, заставляя его сердце

биться в аритмическом ритме.

Будущее изменилось. Снова.

Он все еще не был уверен, что произошло в первый раз, но на этот раз его причуда была стерта.

На мгновение он не мог понять, что должен был делать.

Он напортачил.

Он поддался панике, и теперь Сотри-голова знал, что у него есть причуда, причуда, которую Изуку не должен был ему показывать, и каким-то образом это изменило то, что должно было произойти.

Гнев кипел внутри Изуку.

Впервые в жизни он почувствовал, что может ненавидеть героя.

Даже Индевора, несмотря на все его кислое отношение и грубость, можно

было уважать за его неустанные усилия по задержанию злодеев, но его учитель изменил свое мнение о том, сколько стоит Изуку, потому что у него была причуда.

Он должен был отчислить его, он был самым низким, не причудливым, слабым неудачником.

Единственное, что могло изменить его мнение, это его причуда.

Это прекрасно объясняло внезапный сдвиг в его будущем.

Когда он сгрудился в клубок на унитазе, грудь разрывалась от гнева и истерики, его новая смерть пришла к нему.

Клубящаяся черная пустота, злодеи на корабле, кошмарный монстр с расфокусированными глазами, рука, тянущаяся к нему из темноты, одноклассники и герои собрались на центральной площади, в безопасности, злодеи готовы отступить.

Изуку почувствовал, как его череп разрывается на части.

Каждое пятнышко кожи, плоти и костей, которые превращались в пыль, вонзало еще одно копье боли в его голову.

Изуку засунул руку в рот, подавляя крик, который вырвался из его горла.

После того, что казалось вечностью, боль прекратилась.

Изуку поднялся с пола в туалета трясущимися руками, глубоко дыша.

Следы от зубов болезненно впились ему в руку, почти истекая кровью, но боль была далекой, онемевшая от того, что он уже почувствовал ее.

Две недели.

У него было две недели, чтобы подготовиться, прежде чем злодеи нападут на его школу и попытаются убить его одноклассников и учителя.

Он не успел заплакать.

Он умылся в раковине и опустил волосы, чтобы скрыть опухшие красные глаза.

На обратном пути в класс он зашел в библиотеку и проверил книгу по

языку жестов.

Изуку надеялся, что на этот раз будущее не изменится для него.

Как только Шота вернул остальных учеников на свои места, он сказал им:

«Мне нужно немного поговорить с директором.

Выбери представителей своего класса, прежде чем я вернусь».

«Но мы только что встретились!»

— сказала Момо.

«Мы даже не знаем имен друг друга».

— Тогда исправьте это.

Уходя, он услышал, как один студент спросил:

«Он вообще сказал, когда вернется?»

Шота не удосужился дать им ограничение по времени.

Если они не могли смириться с тем, что их оставляли в покое, он просто изгонял некоторых из них.

Учительская комната была пуста.

В машине осталось полчайника кофе, теплого и зернистого.

Шота все равно выпил.

Приток кофеина никак не повлиял на явное эмоциональное истощение, которое он чувствовал в тот момент.

Он опустился в кресло и положил голову на руки.

Думая о выражении лица Изуку, когда он заморозил его причуду, словно он вонзил нож ему в грудь.

За эти годы он видел бесчисленное количество реакций на стирание Причуды

- гнев, шок, даже страх

- но никогда он не видел, чтобы кто-то выглядел настолько потерянным, таким

испуганным, настолько близким к полномасштабной панической атаке, что он приготовил свой шарф захвата, чтобы не дать ему рухнуть.

Как учитель, он знал, что должен внушать своим ученикам уважение, иногда даже страх.

Несмотря на то, что изображали средства массовой информации, мир не

был добрым местом для героев, и любому, кто не был готов, когда они покинули его опеку, перерезали горло в течение месяца, а их смерть была похоронена под последним новостным репортажем о Всемогущем.

Мысль о том, что он увидит одного из своих бывших учеников, оставленного в каком-то мусорном ведре в переулке, не давала ему спать несколько ночей.

Он видел травмированных учеников, некоторые даже в его собственном классе, потрясенных близкой встречей со злодеем или неудачным упражнением в классе, но ни разу за все годы преподавания в Университете Юэй он лично не травмировал ни одного из своих учеников.

Это заставило его чувствовать себя больным.

Хуже того, было видимое, титаническое усилие, которое Изуку проявил, заставив этот ужас вернуться, собрав каждый клочок мужества, который у него был, чтобы встретиться лицом к лицу с причудливым взглядом с Сотри-головой.

Никогда еще Шота не испытывал такого ужаса и благоговения, увидев, как кто-то такой молодой и такой маленький стоит во весь рост перед лицом изнурительного страха.

Увидев такое мужество, как он мог изгнать его?

Капнув несколько капель в глаза, Шота пошел в офис Незу.

Директор уже ждал чашку чая.

— Ты просто должен был сделать это на улице?

— спросил Незу.

«Ты понимаешь, что у меня нет хороших ракурсов?»

«Вы были правы. У Мидории есть причуда.

— Ты уверен в этом?

«Мидория отреагировал в тот момент, когда я стер его причуду»,

— сказал Шота.

Он старался не думать о медленном, растущем ужасе, который исказил черты лица Изуку, когда мяч плюхнулся на землю.

Незу тскнул.

«Ну, вот моя теория».

— Что вы имеете в виду?

«Подумай об этом. Если бы Мидория мог предвидеть будущее, как Ночно-глаз, разве он не знал

бы, что вы сотрете его Причуду?

Шота смыл кофейную крупицу с языка полным ртом чая, размышляя над точкой зрения Незу.

«Итак, если его причуда не в предвидении, то что это?»

«Трудно сказать. Либо это причуда предвидения с механикой, которая не сразу очевидна, либо его причуда - это нечто совершенно другое.

Может быть, причуда интеллекта.

Я очень надеюсь, что это причуда интеллекта.

Я искал кого-нибудь, с кем можно было бы поиграть в го.

Шахматы слишком скучны».

Незу вздохнул и отхлебнул чаю.

«В любом случае, нам нужно будет провести больше тестов».

— Нет.

Незу сделал паузу.

— Что-то случилось?

«Что бы я ни делал, это так сильно напугало Изуку, что он, казалось, готов был потерять сознание».

Шота закрыл глаза и глубоко вздохнул, успокаивая себя, чтобы не начать кричать.

«Я не думаю, что смогу сделать это снова».

«Прискорбно, но я доверяю твоему суждению».

Незу постучал по краю чашки.

«В ужасе? Его причуда всегда активна, или он использовал ее именно в этот момент по какой-

то причине? Что он делал?

«Бросание бейсбольного мяча. Он готовился к подаче, когда я использовал свою причуду. Заставил его возиться с броском».

«Умный. Пока не уверен, но, вероятно, первый. Трудно сказать, учитывая отсутствие данных».

Шота повернулся на своем сиденье и поправил шарф.

«Я думаю, что Мидория нуждается в консультировании».

«Мы не можем. Это выделило бы его, так как с ним нет ничего явно плохого, не говоря уже о том, что мы даже не знаем, какова его причуда.

Мы не сможем ему помочь, если даже не знаем, зачем ему нужна помощь».

«Над ним почти наверняка издевались».

«Если Мидория сам не представит эту информацию, у нас нет доказательств.

Я не могу просто назначить кому-то терапию, потому что подозреваю, что что-то не так, иначе у меня будет половина школы, которая будет еженедельно посещать гончую собаку».

Шота скептически посмотрел на директора.

«Половина? Неужели?

Незу вздохнул и отхлебнул чаю.

«Тодороки Шото, домашнее насилие, Бакуго Кацуки, опасно эгоцентричный, Токоями боится своей собственной причуды, у Яоорозу низкая уверенность в себе, у Коды проблемы с беспокойством, и чем меньше я скажу о Минете, тем лучше.

И это еще до того, как мы перейдем к тому, через что им придется пройти тренировкам на Героя».

Незу поставил чашку и задумчиво уставился на свой чай.

«Если ты так беспокоишься о Мидории, я организую консультацию с первым убедительным оправданием, которое смогу найти. И кто знает? Может быть, он откроется Гончей Собаке.

Изуку вернулся на свое место, когда Шота вернулся из офиса Незу.

Красные глаза и сгорбленное выражение, когда он читал свою книгу, не остались незамеченными учителем, и он сразу же пожалел, что не надавил на Незу сильнее.

Чувство вины проникло в его сердце, и он поймал себя на том, что задается вопросом, что он может сделать, чтобы загладить свою вину.

Если бы он не мог помочь ему преодолеть свои прошлые травмы, возможно, он мог бы помочь ему стать физически сильнее.

«Я так понимаю, вы решили?»

— спросил он класс.

Иида поднял руку.

«Яоёрузу-сан и я были выбраны, чтобы представлять класс.

Мы сделаем все, что в наших силах, сэр.

— Хорошо.

Ямада-сэнсэй будет здесь немного по-английски.

Увидимся в конце дня».

Обычно Шота не утруждал себя проверкой своих учеников в конце дня.

Это была иррациональная трата времени.

Однако сегодня ему нужно было поговорить со студентом наедине.

После того, как Шота распустил своих учеников, Мидория задержался, возможно, уже зная, о чем он собирается спросить.

Бакуго тоже задержался, глядя на Мидорию с выражением, которое Шута слишком хорошо узнал, но, оглянувшись на учителя, Бакуго, очевидно, решил уйти, не устроив сцены.

Как только они остались одни, Мидория закрыл свою книгу.

Шота поймал название, прежде чем сунуть ее в сумку, и поинтересовался, как язык жестов заинтересовал его.

Судя по штрих-коду на обложке, он был из библиотеки Юэй.

Шота мысленно встряхнулся, решив исследовать это как-нибудь в другой раз, и попытался сделать дружелюбное выражение лица для Мидории.

Дружеские выражения не были его сильной стороной.

— Мы поговорим, если не возражаешь.

Мидория взглянул на него тлеющими глазами и стиснутой челюстью.

Айзава почувствовал, как его сердце сжалось от внезапного гнева, но было вполне логично, что мальчик возненавидел его после того, через что он ему пришлось пройти.

Шота взял со стола бланк и протянул его Мидории.

«Если вы серьезно относитесь к тому, чтобы стать героем, вам нужно поработать над своей физической подготовкой.

Я готов тренировать тебя во внеурочное время.

Вам понадобится одобрение родителей, и…

— Спасибо, Айзава-сэнсэй.

Его слова были резкими и холодными, выдавая контролируемый гнев под ними.

«Я попрошу маму подписать его сегодня вечером».

Кивнув, Шота сказал:

«Тогда мы начнем завтра.

Встретимся в Тренажерном зале гамма после занятий.

Возьмите с собой любое оружие, которое вам удобно».

Когда Изуку вышел из класса с рюкзаком в руках, старая привычка, чтобы его не схватили за ремни, Шота задавался вопросом, сможет ли он когда-нибудь заслужить прощение мальчика.

http://tl.rulate.ru/book/53509/3239412